

МАТЕРИАЛЫ

Н. Кисляков

Бурх — горный козел

(Древний культ в Таджикистане)

1

Кишлак Хазрати-Бурх находится в одном из самых отдаленных горных уголков Средней Азии. Расположен он в верховьях речки Оби-мазор, одного из истоков реки Хингоу, крупного притока Сурхоба-Вахша.

Речка Оби-мазор берет начало в массивах Дарвазского хребта, именно там, где последний достигает своей наибольшей высоты, подходя к горному узлу, образуемому системами хребтов Дарвазского, Петра I и Академии. Здесь Дарвазский хребет дает мощный отрог, носящий название Мазарских Альп. Долина речки Оби-мазор зажата между самым хребтом и его отрогом. Река течет на высоте 2700 м. над уровнем океана. Долина тесна, мрачна, покрыта осыпями и чудовищными нагромождениями обломков скал. Ледники спускаются почти к самой реке. Не на чем остановиться глазу. Везде камень, камень и камень. Нет места здесь ничему живому. Только горный козел, перепрыгивая со скалы на скалу, неожиданно производит целые обвалы камней.

И вот здесь-то, как бы наперекор природе, расположился большой кишлак, носящий название Хазрати-Бурх.

На десятиверстке его можно найти под 38°41 с. ш. и 41° в. д. Отсюда пешими перевалами Бунай, Арнавади и Техарви, через снега и ледники, осенью в течение двух дней можно пробраться в соседнюю долину р. Ванч. Перевалами Курговади и Пишхарв за тот же промежуток времени можно спуститься в Дарваз, в долину Пянджа. А вниз по системе р. Хингоу по осыпям и оврингам, летом за 6 дней, зимой за 8 дней, можно достигнуть Гарма в Каратегине.

Самый кишлак состоит из 36 домов. В ближайших окрестностях расположены три его выселка: Шарог — 5 домов, Дарбог — 3 дома и Дара-и-Дархарви — 6 домов. Всего 50 хозяйств.

Дома и примыкающие хозяйственные постройки еще до настоящего времени представляют собою беспорядочное нагромождение крупных неотесанных камней. Кишлак напоминает собой старинный кавказский аул: крыша одного дома — терраса вышестоящего. Между домами лабиринты грязных переулков. Сметанные на крышах стоги горных трав несколько разнообразят картину.

Экономика кишлака там, где она еще не достаточно глубоко задела социалистическим строительством, бедна и несложна. Население занимается скотоводством и земледелием. Первое преобладает. На 400 человек населения имеется 72 коровы и до 700 баранов и коз. Летом скот пасется на летних подснежных пастбищах, а зимой кормится заготавливаемыми двумя видами трав: юганом и камолем. Лошадей и ослов кормят мелкой соломой от ячменя и мулькака (гороха). От югана, по словам местных жителей, лошади и ослы слепнут.

Земля измеряется на тюбитейки (токе), пуды и маны. Площадь, на которой можно высеять тюбитейку зерна, — одна тюбитейка посева. Шесть тюбитеек — один пуд. Пять пудов — один ман. Всего в кишлаке 25 ман посева.

Если урожаем сам-два, то можно собрать 250 пуд. зерна; меньше полпуда на человека в год — голодный паек.

Крошечные горизонтальные площадки земли старательно очищаются от камней и на них наносится земля. Из злаков сеются ячмень и мулькак. Если посеять пшеницу, то можно рисковать тем, что она не вызреет, и тогда труды пропадут даром.

Скудной древесной растительности имеется пять видов: арча (хвойное), тополь, ива и кустарниковые ангит и зелоль (местные названия). Тополь и иву, можно насчитать единицами. Арча и кустарник служат топливом.

Такова экономика неперестроенного кишлака Хазрати-Бурх. Ни земледелие ни скотоводство не могут прокормить сравнительно многочисленное население.

Остается еще один источник существования. Это горный козел — нахчир.

Каменные теснины Дарвазского хребта — настоящий заповедник нахчира. Питаясь травами и мхом летом, а зимой листвой вечно-зеленой арчи, на неприступных скалах он находит себе убежище от своего вечного и кровожадного врага — горного волка.

Однако в связи с начавшимся исчезновением „старины“, слыша от жителей многочисленные рассказы об обильной охоте на нахчира в старину, мы узнаем о том, что в настоящее время охота производится только спорадически, от случая к случаю, не давая почти никаких средств к существованию.

Древняя охота пала, исчезла, утратилось искусство и навыки, как исчезают и утрачиваются кустарные производства гончарников, ткачей и мастеров по железу перед лицом развивающейся машинной промышленности.

2

Посередине кишлака Хазрати-Бурх, на крутом, обрывистом берегу речки Оби-мазор возвышается гробница (мазор) весьма известного и уважаемого мусульманского святого Хазрати-Бурха Сармаста Вали.

Мазор виден на значительном расстоянии, километра за четыре от крутого поворота долины вниз по течению реки. Отсюда открывается вид на кишлак. И над ним господствует купол храма — мазора.

Мазор — здание местного типа, глинобитное, четырехугольной, почти квадратной формы. Над крышей возвышается желтый купол. Вход украшен двумя колоннами типа минаретов и резной дверью. Колонны и передняя часть стены побелены алебастром. Над дверью черной краской надпись: „ла-илла-иль-алла, Мухаммад расуль алла“, а на колонках той же краской нарисованы буквы ζ (джим) и $\dot{\text{z}}$ (каф).¹

Перед мазором расположен небольшой дворик, обнесенный с передней и одной из боковых сторон оградой. Другая боковая сторона ограды не имеет, так как подходит к обрыву. В ограде имеются двусторчатые ворота, запирающиеся, обычно, на замок. Около мазора — неизменный спутник всех среднеазиатских мазоров — шест с конским хвостом (тур). Здесь же священное дерево для мусульманина, большая, многолистная береза² и две-три ивы, несколько оживляющие эту мрачную гробницу среди каменной пустыни.

¹ Начальные буквы слов „ قِيَا صَتْ “ „воскресение“ и „ جَنَّت “ „рай“.

² Темные линии, имеющиеся на березовой коре, напоминающие алиф I, первую букву арабского алфавита, среди горных таджиков создали березе славу „дерева святого писания“. К березе относятся с уважением, ее кору, листья и сучья нельзя бросать в нечистое место и попирать ногами.

Внутри мазора входиться разрешается лишь лицам духовного звания или крупным жертвователям. По расспросным сведениям, внутри мазора имеются два помещения. Могила находится во втором, внутреннем помещении, первое служит как бы преддверием в святое святых. Могила — прямоугольное возвышение, имеющее вид христианского престола. О каких-либо знаках и украшениях как самой могилы, так и обоих помещений, мне ничего неизвестно. Но две подробности внутреннего убранства мазора представляют собой, как это мы увидим ниже, исключительный интерес. Это „*cadar*“ (чадар-палас) из козьей шерсти, которым покрыта самая могила, и „*navarda*“ (наварда — ткацкое веретено), к которому прикладываются верующие при совершении поклонения.

На противоположном берегу речки Оби-мазор находится родник. Дно и стенки родника покрыты красной, повидимому, железистой глиной, сильно окрашивающей белую ткань в кирпично-красный цвет. В сухом состоянии глина напоминает лёссовую пыль.

Глина источника виднеется издалека красным пятном среди серых камней и окружающей скудной растительности. По местным повериям указанная глина обладает целебными свойствами и носит название „*hoki-burx*“ „прах Бурха“.¹

Мазор Хазрати-Бурха привлекал к себе в старое время большое количество паломников. Сюда стекались верующие мусульмане не только из горного Таджикистана, но также из Бухары, Самарканда, Ферганы, Афганистана и Индии.

Паломник, достигнув указанного выше поворота, с которого открывался вид на кишлак и мазор, спускался с лошади и, сложив молитвенно руки, читал одну или две суры корана.

Затем, поднявши камешек с земли, он клал его на один из больших камней, которые находятся здесь в изобилии. Весь этот участок пути покрыт такими большими камнями с десятками и сотнями лежащих на них маленьких камешков.

Это место называется „*soji salomga*“ — „место приветствия“.

Проделав эту церемонию, паломник садился верхом и вешал себе на шею камчу или поясной платок в знак своего уничижения.

Еще в 1932 г. проделали этот обряд ехавшие со мной в кишлак Хазрати-Бурх три представителя местной власти — председатель джамсовета, председатель союза бедноты и вакиль соседнего кишлака, причем последний уверял, что в прошлом году он не исполнял вышеуказанного обряда и за это был жестоко наказан: упал с лошади во время байги и разбился. Так сильна еще вера в могущество святого Бурха.

По приезде к мазору, паломник, смотря по его сану и рангу, или допускался к самой гробнице, где совершал обряд поклонения, или же только в преддверие ее. Одним из существенных моментов поклонения являлось целование ткацкого веретена, упомянутого выше. После совершения поклонения, паломник, смотря по своему достатку, давал хранителям мазора приношение „*lazr*“ — „назр“, выразившийся в деньгах или вещах.

Ознакомившись, таким образом, с мазором и порядком поклонения, перейдем к легендарной истории его обитателя.

¹ Я посетил источник в октябре 1931 г. Пробраться к нему из кишлака через речку было невозможно из-за большой воды. Пришлось спуститься вниз по течению реки километра на два и, перебравшись через мост, вновь подняться вверх до небольшого кишлака Вырзага.

Здесь я просил одного дехкана проводить меня к источнику. Пришлось бросить лошадь и с километр еще пробираться вверх по течению, по крутому откосу левого берега речки. Итти было трудно, так как ноги скользят и ежеминутно рискуешь сорваться вниз. Наиболее трудным является участок перед самым источником. Достигнув места назначения, мой спутник помазал себе лоб, руки и язык „святой“ землей и усиленно рекомендовал мне сделать то же самое, а также положить здесь немного денег.

3

Во время одного из моих посещений кишлака мне удалось записать две легенды о Хазрати-Бурхе; одну из них привожу полностью с переводом на русский язык,¹ из второй лишь небольшой отрывок.

Перевод

1. В том жемчуге, который бог дал шейху Абу Саиду Руми, было сто тысяч лучей божьего света. Шейх Абу Саид этот жемчуг потерял и бродил в поисках его. Тогда бог дал приказ Бурху найти жемчуг. И вот, после 40-летних бесплодных поисков, шейх Абу Саид встретился с Бурхом. Шейх Абу Саид спросил его: „о, человек, как твое имя. Я до сего дня не видел подобного тебе раба божьего“. — „Мое имя Бурх“. Снова шейх Абу Саид спросил — „не ты ли из потомков шейхов Набийулло“. „Да“, отвечал Бурх. Тогда шейх Абу Саид упал в ноги Бурху и стал просить об отпущении грехов. Потом сказал: „Ой, Бурх, я должен расстаться с тобой“. Тогда Бурх вернул шейху Абу Саиду потерянный им жемчуг. Вот в поисках этого жемчуга Бурх стал юродивым (блаженным).

Из той страны, где Бурх повстречался с шейхом Абу Саидом, он, вместе со своими братьями и матерью, полетел в крепость Кабул. Там умер один из его братьев по имени Баркаб. После этого снова полетел Бурх со своей матерью и оставшимся братом и спустился в городе Толикон. Несколько месяцев спустя умер его младший брат Турк Абдоль. Тогда сказал Бурх своей матери: „на голову мою снизошел гнев божий. Встань, пойдем отсюда“. И, взявши ее за руки, пришел в город Шахраб. Здесь умерла его мать — Биби Джолилаи Аразоти. И поселился Бурх на могиле своей матери, здесь прожил он несколько месяцев. Однажды, во сне увидал он, что мать говорит ему, „я отпускаю тебя. Пойди, куда хочешь“. Тогда Бурх отправился в путь и, придя в горы Боршида, поселился под деревом чабарг.

Однажды, некий старец по имени Ходжи пошел в эти горы за дровами. Схватил он один сук дерева чабарг и сломал его; вдруг послышался голос: „ой, человек, бор шид“.² Бобо (старец) Ходжи посмотрел в правую сторону, но никого не увидел. Снова положил руку на сук. И снова послышался голос: „ой, человек, бор шид“. Бобо Ходжи посмотрел в левую сторону и опять никого не увидал. Уже хотел сломать другой сук, как вдруг заметил зеленый камень. Поднял он тот камень и открылся вход в пещеру. Видит в пещере сидит Бурх. Поднял Бурх кверху голову и сказал: „ой, человек, не бойся. Ты меня должен явить людям. Пойди и собери весь народ от Санги Хлоза³ до границ Бохуда и Боршида.⁴ Пусть придут и сделают мне гробницу“.

Бобо Ходжи сказал: „ой, султан мира! Для этого дела будет ли знак?“ Тогда Бурх достал жемчуг и сказал: „этот знак возьми и иди“. Бобо Ходжи взял благословенный жемчуг и пошел. Собрал весь народ от Санги Хлоза до границ Бохуда и Боршида. Народ принялся делать гробницу Бурху.

Сказал Бурх: „окончите ее в один день“. И окончили гробницу в один день. Не кончили своей работы лишь плотники, делавшие двери. Как только наступила ночь, головы этих мастеров повернулись лицом к спине. Увидевши это, народ бросил их в гробницу, чтобы они покаялись. И с рассветом их головы стали на старое место.

¹ Записью этой легенды я обязан местному работнику т. Фатхутдину Ассо, которому считаю долгом принести здесь свою благодарность.

² Что означает по таджикски: „довольно грузу“ (т. е. „ноша твоя полна, не бери больше дров“).

³ Нижнее течение р. Хингоу.

⁴ Истоки р. Хингоу.

В это время с гор спустился горный козел и остановился на каменной плите. Бурх сказал: „Бобо Ходжи, возьми этого козла, убей и дай работникам“. Спросил Бобо Ходжи: „он горный. Как я его возьму?“ Ответил ему Бурх: „пойди, повинуйся.“ Тогда пошел Бобо Ходжи, взял козла, зарезал его и дал работникам.

Ныне всем известно, что на том месте, где пролилась кровь козла, бьет красный источник.

II. ... Бурх был ткачем. Придя в Бухару он занялся ткачеством. В сутки успевал соткать 50 одежд. Эта весть распространилась среди народа и старейшины Бухары решили произвести расследование. Узнав об этом, Бурх взял орудие своего ремесла и ушел в Каратегин и Вахио. Придя в Вахио-боло, он умер.

Сейчас при гробнице имеется его ткацкая палка — веретено, которую паломники при совершении поклонения прикладывают к своему лицу.

4

Неожиданное появление в конце первой легенды чудесного горного козла — нахчира заставило меня поближе познакомиться и собрать некоторые сведения об охоте на это животное, на которой я и позволю себе несколько задержаться, прежде чем перейти к анализу легенд.

Выше я уже указывал, что охота на нахчира — занятие седого прошлого, что в данное время она производится лишь спорадически, от случая к случаю. Поэтому и сведения об охоте можно было преимущественно добывать у людей пожилых. Среди них в прошлом было много охотников, тогда как среди молодежи их почти нет. Одним из таких искусных охотников является шейх Амон, который рассказал первую легенду о Бурхе. Он хромым. Лет двадцать тому назад, во время охоты зимой его завалило снежным обвалом, из-под которого его вытащили с переломленными конечностями и в бессознательном состоянии. Снег так плотно набился ему в рот, нос и уши, что его пришлось выковыривать охотничьим ножом.

Охота на нахчира имела два вида: коллективная, где средством охоты служила, главным образом, собака, и индивидуальная — с ружьем.

При охоте с ружьем охотник обычно отправлялся в горы один, или же с одним или двумя товарищами. Он выслеживал зверя и, целясь с упора из своего мультака — кремневого ружья, стрелял по нему. Такие охотники, пользовавшиеся защитой святого Давида, покровителя охоты и его живых учеников — пиров охоты. Последние с известными церемониями производили посвящение новичков в охотники и заговаривали их мультаки.

Коллективная охота производилась следующим образом: заранее выслеживались нахчиры и определялось место их сборища на водопое или в другом каком-либо месте. Человек пятьдесят охотников, каждый с собакой, рассыпавшись на значительной площади, по кругу, постепенно подкрадывались к стаду. Собаки были на привязи. Местонахождение нахчиров, направление движения и другие сведения передавались условными знаками — помахиванием тубитейкой или подражанием крику горной куропатки. По определенному сигналу спускались собаки. Если же среди присутствующих были и охотники с ружьями, то в тот же момент производилась стрельба.

Добыча делилась следующим образом. При индивидуальной охоте охотнику доставалась голова с рогами и шкура козла, при коллективной — голова доставалась тому охотнику, чья собака первая схватывала козла, а шкура делилась между всеми участниками охоты, разрезалась на тонкие полоски. Но мясо и в том и в другом случае делилось на совершенно равные части по числу хозяйств кишлака, независимо от того, участвовал ли представитель данного

дома в охоте или по какой-либо причине отсутствовал. Бывали случаи, что на каждое хозяйство доставалось по куску мяса, величиной в кулак.

Шкура шла на всякие мелкие поделки — ремни, а из шерсти, которая высоко ценится, выделялись головные платки, „тазова“ и перчатки — „dust muza“.

5

Приведенные выше легенды по своему содержанию являются типичными мусульманскими преданиями, не представляющими какого-либо научного интереса. Но эпизод появления горного козла — нахчира заставляет нас поглубже задуматься над тем, кем же является святой Бурх. Чтобы дать ответ на этот вопрос, я позволю себе остановиться на следующих моментах:

1) Бурх в Бухаре занимается ткачеством кустарных одежд из козьей шерсти. Он не простой рядовой ткач, а настолько искусный, что старейшины города заинтересовываются им и производят расследование.

2) При обряде поклонения верующим дают целовать ткацкое веретено, символ принадлежности Бурха к цеху мастеров-ткачей.

3) Могила Бурха покрыта паласом из козьей шерсти.

4) Бурх повелевает горным козлом — нахчиром, который по его (Бурха) повелению покорно отдает себя на заклание строителям храма.

5) Кровь нахчира образует собой вечно-текущий, неиссякаемый источник, земля из этого источника является чудодейственной и носит название „праха Бурха“ — „хоки Бурх“.

Больше мы ничего не знаем о связи Бурха с горным козлом и ткаческим ремеслом. Но недостаточно ли вышеприведенных моментов, а особенно последнего, чтобы прощупать ту подпочву, которая скрыта от нашего взора мусульманством, и сделать определенные выводы.

Выводы эти следующие:

1. Культ Бурха возник не в рамках ислама. Ислам лишь воспользовался более древней надстройкой, первобытным божеством, сделав из него блаженного юродивого.

2. Культ Бурха возник у первобытной группы охотников, не имевших в этих диких горах другого источника существования, кроме охоты за горными козлом. От удачной охоты на него зависела жизнь этой небольшой человеческой группы.

3. Такая зависимость от горного козла привела к выработке ряда магических приемов, основным из которых было, быть может, таинственное вкушение мяса и крови козла, совершаемое от времени до времени. Это вкушение мы находим в эпизоде с нахчиром в первой легенде.

4) В дальнейшем появилось представление о божественном духе-хозяине козла, сходном с медвежьим духом-хозяином у гиляков. Он посылал зверя охотникам, и зверь повиновался его слову.

Так создалось божество: Покровитель ткачества Бурх — Горный Козел.

Об их тождестве красноречиво говорит нам формула: „хипи пахсиг — хоки Бурх“ — „кровь нахчира — прах Бурха“.

Прежде чем перейти к описанию эксплуататорской экономики, выросшей на основе почитания святости Бурха, я сделаю еще два замечания, имеющих отношение к источникам первобытной религии.

При посещении кишлаков долины Хингоу иногда бросаются в глаза оригинальные рисунки козла, сделанные на наружных стенах домов. Рисунки обычно исполнены охрой, изображают козла в профиль и очень примитивны. На рисунке особенно выдаются большие, круто загнутые рога, дающие нам уверенность в том, что рисунок изображает горного козла-нахчира.

Такие изображения зарегистрированы мною в долине Сурхау, одного из нижних притоков р. Хингоу (Чильдаринский джамсовет Тавильдаринского района); интересное изображение горного козла, преследуемого охотником и собакой, находилось в кишлаке Арзынг, в истоках р. Хингоу. Оно дано в одной из работ М. С. Андреева.

Обычай делать такие рисунки козлов можно считать более древним, чем мусульманство в этих краях, так как последнее отрицательно относится к изображению живых существ. Местные жители считают, что изображение козла приносит дому счастье и довольство, что лучше будет дойти молочный скот.

И хотя у нас нет других данных, мне кажется, мы имеем некоторое основание предполагать, что рисунки козла играли магическую роль в охотничье-скотоводческом быте первобытного обитателя этих гор.

Второе замечание. Население долины р. Хингоу (Тавильдаринский район) делится на 5 племенных (?) групп, которые сохранили самоназвание, частично предания о своих легендарных родоначальниках, племенную территорию и некоторые особенности в языке и быте. Вопрос о сущности этих групп еще недостаточно ясен, чтобы можно было бы сказать о них что-либо подробнее.¹

Эти группы носят следующие названия: Xloz (Хлоз), Turkija (Туркийя), Nizqola (Нижголя), Saqirdaşci (Сагирдашчи) и Vaxijoci (Вахиочи).

Хлозцы обитают по всему нижнему течению Хингоу от перевала Яфуч до Тавильдары. По их имени иногда и самое Хингоу называют „Оби-хлоз“.² Туркийя занимает правый берег всего среднего течения реки до так наз. „Джари-Бахта“.³ Сагирдашчи — джамсоветы Сагирдашт, Сафедорон и Пуштарог, расположенные по северному склону Дарвазского хребта. Нижголя — джамсовет Мионаду, на том же северном склоне Дарвазского хребта. Вахиочи — все верхнее течение р. Хингоу и ее двух истоков, вверх от Джари-бахта, т. е. страну Вахио-боло.

Говор последних трех групп сходен с говорами Дарваза, тогда как говор первых двух можно отнести к каратегинским говорам.

В то время как вся р. Хингоу иногда называется по имени хлозцев — „Оби-хлоз“, — вся долина р. Хингоу, по имени вахиочей часто называется: „страна Вахио“. Вообще, хлозцы и вахиочи, повидимому, две наиболее стойкие, наиболее обособленные группы. Так, насколько мне известно, только они сохранили в своей памяти название легендарных предков — Ходжи-и-хлоза и Воха. Мазор Ходжи-и-хлоза, являющийся святыней хлозцев, находится в кишлаке Ходжи-и-хлоз, близ Чильдары.

Тогда где же следует искать место упокоения Воха? Местный поэт Мирзо-Гулуб из кишлака Хур сообщил мне, что он слышал от стариков, будто раньше страна Вахио называлась Бурхио. Сопоставив имена Воха и Бурха, не следует ли искать места упокоения предка вахочей в кишлаке Хазрати-Бурх? А вспомнив легенду о Бурхе, не следует ли призадуматься над странным сочетанием имен одного из братьев Бурха — Турка Абдоля и страны Туркийя? Горный козел — легендарный предок, Вох — мусульманский юродивый, покровитель ткачества — Бурх, такова линия развития идеологической надстройки.

Обратимся к Хлозу. В Чильдаре мне рассказывали поверье о том, что ежегодно, в определенную ночь, на могилу Ходжи-и-хлоза приходят два тигра и остаются здесь до утра, охраняя могилу старца. Как рассказывают, в старину на нижнее течение Хингоу часто заходили тигры из соседнего Бальджуана.

По аналогии с Бурхом и здесь мы можем наметить линию развития: тигр — легендарный предок хлозцев — мусульманский святой Ходжи-и-хлоз.

¹ До меня вопросом о тавильдаринских племенных группах занимался Е. А. Ануфриев, которому я обязан сообщениями ряда сведений.

² „Вода хлоза“.

³ „Джари-бахт“ — „обрыв счастья“.

Все это вместе взятое не дает ли нам право поставить вопрос о тотемизме древних обитателей долины реки Хингоу?

6

Все население кишлака Хазрати-Бурх, или, как его иначе называют, Шейхо, ведет свою родословную от легендарного Бобо Ходжи, того самого, который был призван прославить Бурха.

Став шейхом-мутавалли при гробнице своего патрона, легендарный Бобо Ходжи обеспечил и своим потомкам безбедное существование продолжением его столь выгодного дела.

Род Бобо Ходжи считается родом шейхов, хранителей мазора Хазрати-Бурха. Должность главного шейха или мутавалли передается преемственно в этом роду наиболее достойному и благочестивому старцу. Имена прежних мутавалли тщательно хранятся в памяти стариков. Шейх Амон перечислил мне 14 мутавалли, выводя первого из них от самого Бобо Ходжи. Но, повидимому, со временем преемственность мутавалли стала удерживаться в одной семье. Так, современный мутавалли Ходжи Каландар принял сан от своего старшего брата Одина, а тот от их отца Сафара.

Мутавалли Ходжи Каландар, несмотря на свой солидный возраст, очень подвижный, бойкий старик с небольшими, хитрыми глазами и острым, лисьим носом. Передвигается он с помощью палки-посоха, отделанного железом, очевидно, не местного происхождения. Он очень словоохотлив, но его рассказы постоянно пресекают находящиеся при нем почти неотлучно два-три других шейха. Они намеками или знаками дают ему понять, что не следует „болтать лишнего“. Близ своего дома, находящегося почти рядом с мазором, он имеет мехмонхону¹ для приема гостей и совершенно миниатюрный садик, насчитывающий до семи — восьми ив. Он, как глава общины, является также хранителем ключей от мазора.

Что касается доходов шейхов, получаемых в виде „назра“² от паломников, то выяснить их размеры в прежнее время — не представляется возможным. Несомненно лишь то, что раньше они были довольно велики и могли прокормить общину, во всяком случае значительную ее часть.

Мне рассказывали, что в дореволюционные годы в некоторые месяцы можно было насчитать до 300 и больше паломников. Сюда приходили люди всех рас и народов мусульманского мира. Шейх Амон передавал мне, что среди паломников встречались „люди с черной, как уголь, кожей, приходившие из Индустана“.

Ясно, что пришельцы из далеких стран, совершив столь трудное путешествие, которое иногда заменяло им Хаджи в Мекку, не ограничивались мелкими подношениями, а подчас давали и значительные суммы.

Не довольствуясь этим, шейхи высылали еще своих представителей в своеобразное „турнэ“ по Вахио-боло за сбором подаяния, которое и теперь еще совершается, ежегодно.

В дореволюционные годы это „турнэ“ совершалось осенью, после уборки урожая. Установлен был определенный маршрут, из года в год не менявшийся. Было заранее распределено, в каком кишлаке какую ночь шейхи заночуют, в каком останавливаются для завтрака, обеда. Двигались шейхи все вместе, скопом, и в каждом кишлаке их распределяли группами по частным домам; это в корне противоречит мусульманскому благочестию, так как обычно в мусульманских странах гостей принимают в особом помещении. Дехкане должны были при-

¹ Мехмонхона — комната для гостей.

² Назр — приношение.

нимать и кормить непрошенных гостей в обязательном порядке. Если хозяин дома отказывался принять гостей, то лоджиркский мир (чиновник) подвергал его по жалобе шейхов взысканию.

При отъезде шейхов утром с места ночевки они требовали от хозяина еще дани пшеницей. Эта дань называлась: „*şaiboş*“ что значит в переводе „за то что были ночью“.

Мне рассказывали дехкане, что во время этих поездок шейхи так обедались, что многие из них тяжело заболели.

Другой обычай, устоявшийся издавна, это ежегодное приношение шейхам в назр двух быков. „Привилегия“ пожертвовать быка принадлежала жителям двух кишлаков: Сангвора и Найгуфта. В первый месяц солнечного года „*Namal*“ (соответствует нашему 20 III — 20 IV) какой-либо один дехканин каждого из этих кишлаков жертвует шейхам быка; осенью, после сбора урожая он собирает по одной тарелке пшеницы с каждого хозяйства: сангворский дехканин со всех кишлаков долины Оби-арзынг, найгуфтский — с кишлаков долины Оби-мазор. Таким образом, дань раскладывается на все окрестные кишлаки.

В связи с этим у местного населения месяц *Namal* носит название „*mohli goxur*“ („месяц едения быка“).

К этому еще нужно прибавить, что население кишлака Хазрати-Бурх во времена эмира было освобождено от всяких поборов, податей и повинностей.

Дележ доходов, по всем показаниям, был демократический. Время от времени, по мере накопления средств, созывалось в мечети общее собрание всех шейхов, и добыча делилась поровну между всеми домами. Лишь только главный шейх — мутавалли пользовался правом брать себе также и то, что давалось ему „лично“, не в мечети, а в самом мазоре, когда он открывал двери храма. Но такой „демократизм“ был, очевидно, лишь внешней оболочкой. Под ней таилась внутренняя экономическая борьба, борьба за овладение более крупными доходами, за отстранение от этих доходов некоторой части населения.

Об этом говорят нам выселения шейхов. Нам ничего неизвестно, как происходили эти выселения прежде, какая борьба им предшествовала, но, очевидно, что выселялась менее привилегированная часть, беднота.

Род Бобо Ходжи рос и множился. Шейхи не были эндогамной общиной. „Шейхи — не сеиды¹ — говорил мне шейх Амон — они берут жен и среди простого народа“. Становилось тесно. И вот часть шейхов начинает выселяться. Они образуют поселения на Ванчекишлак *Udob* — 15 домов и 2—3 дома в кишлаке *Roj mazor*; в Каратегине — кишлаки *Jalma* и *Sari namak*. Также один кишлак, название которого мне неизвестно, в Фергане.

Последнее переселение произошло уже на наших глазах, в 1932 г., по предложению советской власти. Предложение было обращено непосредственно к бедноте кишлака Хазрати-Бурх. На призыв откликнулось 15 бедняков-шейхов. Им были отведены земли в кишлаке Ляйрун-боло, принадлежавшие раньше крупным эмирским сановникам Ишану Султану и Сейдали Уроку. Получив субсидию от советской власти, эта беднота организовала колхоз, начав новую трудовую жизнь на новом месте.

Но и в самом кишлаке Хазрати-Бурх мы наблюдаем сдвиги.

Количество паломников за последние годы почти сошло на нет.

Советское строительство в целом и советская начальная школа в частности, открытая в 1932 г. в кишлаке, в котором сейчас учится 35 человек детей, позволяет нам уверенно сказать, что влияние седого Бурха на сознание трудящихся доживает свои последние дни.

13 XII 1932 г.

Кишлак Сангакабад. Вахио-боло.

¹ Сеиды — мусульманские роды, ведущие свое происхождение от имамов.